ЗАПИСКИ ГУСТАВА ФОН ШТРАНДМАНА [1]

1779 г.

<...>В начале января (1779 г.) были такие морозы, каких не могли припомнить туземцы-старики. Они простояли почти весь месяц. В январе я начал объезжать все свои роты [2], наблюдая маршировку рядовых и знание ружейных приемов; я окончил этот смотр 13 января.

В средних числах февраля у нас стояли сильные морозы, но было мало снегу; с этого времени вода начала ежедневно подниматься.

В марте я вновь осмотрел и проверил занятия во всех ротах – отдельно каждого солдата, и они быстро заряжали с порохом свои ружья. Многие роты сделали значительные успехи в этом отношении.

25 марта я окончил это дело.

Между тем в полку, под моим присмотром, усердно занимались починкой моего обоза, заготовлением солдатского платья, сукно для которого я, по счастью, получил из Ростова, новых эполет и других нужных вещей для полка.

В апреле мой премьер-майор Беклешов [3] произведен в подполковники и переведен в Козловский полк, а на его место назначен ко мне премьер-майор Дюккер [4].

4 апреля, днем, был большой пожар: сгорело несколько домов, смежных с моим. Моя квартира находилась также в большой опасности, и из нее поспешили все вынести.

5 апреля я получил приказ от генерал-майора Тилля [5] быть готовым ежеминутно выступить с своим полком на Моздокскую линию [6] и послать офицера в Астрахань, за деньгами для покупок необходимых провиантских подвод. {20}

7 апреля, приведя в исполнение этот приказ, я должен был переменить квартиры моего штаба и обеих гренадерских рот, стоявших в Семикаракотске, потому что вода слишком прибывала; мы перешли в Кундруч, за 20 верст. Когда, при выходе из Калетовска, мне пришлось уплатить по распискам, по счетам, то произошел большой переполох; жители заявили неслыханные претензии, требуя, чтобы им возвратили все пропавшие, во время нашего пребывания, вещи, которые будто бы были украдены моими солдатами. Мне удалось уладить дело при посредстве казачьего полковника Федора Ивановича Кузнецова, очень хорошего, честного человека. Я советую всем, кому придется стоять у казаков, этих

упрямых и недобросовестных людей, платить помесячно; в противном случае, они, при выступлении войска, предъявляют множество жалоб, большая часть которых лишена всякого основания.

Благодаря любезности и сговорчивости жителей, у меня и моих подчиненных в Кундручи было гораздо лучшее помещение, чем в Калетовске.

24 апреля умер от скорбута [7] подполковник Сенденгорст [8]; он был еще в цветущем возрасте, но его губила страсть к спиртным напиткам. 26 его похоронили, с обычной церемонией, на кладбище русской церкви.

С 7 мая начали выгонять лошадей и в полку все готовилось к выступлению.

В это время происходил военный суд над несколькими солдатами, причинившими насилие 70-летнему старику (Этот случай произошел в Трогеленской станице; жители были столь злы, что подали жалобу не мне, а прямо своему начальству, которое дало знать генералу Тиллю, он и созвал военный суд. – Авт.). Вышеупомянутый казачий полковник был депутатом обвинявшей стороны. Впрочем, это была единственная, за всю зиму, жалоба, принесенная на моих солдат высшему начальству.

В первых числах мая я получил от генерала Тилля приказ выступить как можно скорее и взять с собою провианту на 4 недели; для этого он прислал мне нужные повозки, запряженные быками.

10 мая я стянул весь полк в лагерь у Кундручи.

Снова, как пришлось платить по квитанциям, у меня были большие неприятности с казачьими станицами, в которых {21} стояли некоторые роты. Особенно памятно будет мне дерзкое обращение жителей станиц Кагеловской, Ведерновской и Трогеленской.

14 мая я выступил с своим полком, вследствие полученного приказа, на Ростов, оттуда на Моздокскую линию. Со мной было 52 фуры, запряженные быками, для перевозки провианта на 4 недели. У меня недоставало 260 человек до полного комплекта, и в последний месяц дезертировало 30 человек, по большей части все хорошие люди.

20 мая я благополучно прибыл с своим полком к речке Донцу, за Ростовом; Донец недалеко от этого города впадает в Дон. В следующие дни я переправился через обе реки. Дон разлился на большое пространство, и мы должны были проплыть, по крайней мере, 15 верст, на 50 больших рыбацких лодках, присланных нам из Черкаска. Место нашей переправы чрез Дон называется Каузуей; оно лежит между Азовом и Ростовом.

25 мая я выступил и сделал 27 верст до местности, лежащей против Черкаска, до Садних Тернов 30 в., до Кагальникской Балки 17 в., до Вершинного Кагальника 12 в., до Кушной 14 в., до Первой Генки 14 в., до Среднего Егорлыка 28 в., до Рассыпной Балки 30 в., до Большого Егорлыка 24 в., по берегу Егорлыка еще 24 в., до Туминского Кургана 25 в., до Сары Камыша 25 в., до начала леса, по течению Тагильска 22 в., до редута по Высокой горе 18 в., до Ставрополя 27 в. Всего от Черкаска до Ставрополя мы сделали 310 в. От Дона до этой крепости дорога шла по степи, и только в 50-ти верстах от этого города начинается большой густой лес, который тянется по берегу Кубани (В этой степи не увидишь ни одного дерева до Тагильска. – Авт.) С этой, недавно выстроенной, маленькой Ставропольской крепости начинается устроенная два года тому назад Моздокская линия. Крепость построил полковник Щульц [9] с своим Владимирским драгунским полком; он же построил еще 3 другие маленькие крепости, Бешмагирский редут, Алексеевскую и Александровскую. Я застал его самого со штабом в Ставропольской крепости, которая лежит в красивой местности, среди гор. Вокруг нее много лесу.

14 июня я прибыл в Ставрополь. На дороге ко мне приезжало несколько курьеров от губернатора Якоби [10], с приказом спешить как можно скорее, так как возмутившиеся {22} кабардинцы становились с каждым днем все задорнее, а потому я на другой же день выступил из Ставрополя; не делая дневок, дошел до Павловской крепости.

15 июня я прошел 30 в., до Бешмагирского редута; 16-го 27 в., до Алексеевского редута; 17-го 18 в., до Александровского редута. В этих редутах стоял драгунский полк Шульца; 18-го до Андреевской крепости, где было расквартировано несколько рот Кабардинского полка; 19-го до моста у Саблина 26 в.; 20-го я выстроил два моста и прошел по ним 2 в.; 21-го 26 в., до Кунки; 22-го 7 в., до Георгиевской крепости [11], где стоял штаб Кабардинского полка и несколько рот того же полка, другие же роты стояли в Марьевской крепости в 12 в. отсюда. Георгиевская крепость очень красиво расположена на Подкумке, на берегу которой много леса. В тот же день я прошел чрез эту крепость и дошел почти до

Марьевской, которую я миновал. 23-го, пройдя еще 10 в., прибыл в Павловскую крепость, где я представился с своим полком губернатору Якоби.

Подле Павловской крепости я застал следующие части под командою губернатора Якоби:

Четыре роты Кабардинского полка с его полковником Ладыженским [12]. Кабардинский егерский батальон, под командою подполковника Кека [13], Моздокский батальон, под командою майора Якоби [14], брата губернатора, 400 казаков, под командою подполковника Савельева [15], затем полки донских казаков; между прочим, несколько сотен семеновских и гребенских казаков, известных своей храбростью и ловкостью в стрельбе. Впоследствии этот отряд был усилен.

Незадолго до моего прихода между этим отрядом и 1500 возмутившихся кабардинцев произошло большое сражение, в котором последние были побиты [16]. Они несколько дней стояли у Павловской крепости, ежедневно тревожа губернатора, а потом оставили его в покое и неожиданно напали на Марьевскую крепость. В ней два дня держался Бас [17], храбрый капитан Кабардинского полка, а на третий подоспел губернатор Якоби с своим немногочисленным отрядом; разделив свое войско на три маленьких каре, он на голову разбил кабардинцев и заставил их отступить от крепости [18].

После этой неудачи кабардинцы или черкесы несколько недель скрывались в высоких кавказских горах, неподалеку отсюда. Возмутившиеся горцы требовали, чтобы мы покинули {23} вновь устроенную линию от Моздока до Ставрополя и возвратили им занятые нами пункты.

Губернатор Якоби, не соблюдая своей прямой выгоды, вернулся в Павловскую крепость, откуда не двигался, хотя и был подкреплен моим полком, поэтому в конце июля, кабардинцы появились снова и расположились лагерем на Малке, в 20 верстах от нас.

Они ежедневно тревожили нас, а иногда отрезывали сообщение с другою крепостью (Марьевскою), прогоняли и перебивали пикеты.

1 августа у нас была стычка, продолжавшаяся несколько часов. Весь отряд стоял под ружьем, как это всегда бывало, когда показывался неприятель.

Замечу здесь, что от постоянных и часто маловажных тревог офицеры и солдаты сильно были утомлены; последние не имели права раздеваться, но должны были спать перед фронтом возле своих ружей. Можно себе представить, как страдали они, особенно осенью, в дурную погоду.

7 августа мы переменили позицию и расположились лагерем в двух верстах по ту сторону Павловской крепости. По неизвестным мне причинам наш лагерь был очень узок и состоял из двух (Tresse). Казаки стояли и в переднем, и заднем фасе, а 4 мушкетерские роты моего полка стояли на обоих флангах обоих фасов (en poteau); таким образом вся наша позиция походила на параллелограмм.

В конце августа прибыл к нам из Сибири Горский егерский батальон. Им командовал подполковник Великопольский [19]. Когда он переправлялся через реку Куму, близ Георгиевской крепости, на него напало около 1000 горцев; но он отразил их, убил и ранил 100 с лишком человек, и благополучно довез до нас большой транспорт провианта из 500 фур, который конвоировал из Царицына. В этом деле он потерял около 20 человек убитыми и ранеными. Во все лето отряд фуражировал подле лагеря, обыкновенно под сильным прикрытием. Ночью все лошади стояли в лагере, а днем их выгоняли поблизости от фронта. Под конец корму было так мало, что сено приходилось ездить добывать за 15 верст. Плохой корм испортил и ослабил лошадей, а многие даже пали. До января я потерял от падежа около 60 вьючных лошадей.

5 августа присоединился к нам Владимирский драгунский {24} полк, которым командовал полковник Шульц. С ним приехала и его жена, переодетая в мужское платье. Вместо него в Ставрополь пришел из Ростова генерал-майор Тилль с Ладожским полком и занял посты драгунского полка.

Этот генерал-майор Тилль (В рукописи имя это пишется: то Тилль, то Пилль, то даже Пиллс. – Ред.), о котором я еще ничего не сказал, был человек лет 50-ти, женатый, грубый и гордый эгоист, с угрюмою, отталкивающею наружностью, мрачным выражением глаз, выдававших его злое сердце – он был презираем всеми подчиненными за трусость и не любим за придирчивость.

Когда, после присоединения драгунского полка, наш отряд сделался уже весьма значительным, мы ожидали, что генерал Якоби перейдет в наступление, но он не трогался с места, не мог ни на что решиться и более чем когда-либо показал, что тактика не по его части.

Кабардинцы каждый день беспокоили нас то здесь, то там, уничтожали наши пикеты, сжигали траву перед фронтом и постоянно тревожили отряд. Нередко из-за 200 кабардинцев весь отряд стоял несколько часов под ружьем и выставленные пикеты поспешно возвращались.

В этих случаях наш командующий необыкновенно волновался, ничего не делал, не сходил с фронта и только усиленно смотрел вдаль, на неприятеля; а кабардинцы часто в продолжении нескольких часов стояли в 2-х или 3-х верстах от нас на курганах или холмах и без сомнения радовались, что прогнали все наши пикеты, табуны и фуражиров. Полковник Шульц, Ладыжинский [20] и я, подполковники Ток [21] и Великопольский давали понять губернатору, что величайший срам терпеть все эти дерзкие нападки со стороны кабардинцев, что от нашего бездействия они сделаются смелее и отрежут нам все сообщения; но наши слова ни к чему не вели и губернатор уверял, что ему приказано не наступать на неприятеля. В этой нерешительности, в этом бездействии его поддерживал большой фаворит его и казачий подполковник Савельев, исправлявший должность дежурного майора при отряде, командовавший всеми казаками и пикетами; Якоби слушался этого офицера, не имевшего никакого понятия о партизанской войне и не отличавшегося особенной храбростью. {25}

Впоследствии я узнал, почему губернатор не нападал на неприятеля: поводом к его бездействию послужило одно выражение в письме к нему князя Потемкина [22]. Князь писал ему, что посылает именной указ императрицы (В указе императрица писала, что теперь мир и спокойствие во всей империи и что потому она решила наказать задорных кабардинцев, для чего губернатору следует принять свои меры. – Авт.) и от себя может посоветовать не предпринимать никаких военных операций против неприятеля до 15 сентября, а до этого времени стянуть войска и привести себя в хорошее оборонительное положение.

Это выражение – оборонительное положение – наш умный командир объяснил так, будто оно значит постоянно обороняться и будто князь дает ему понять, чтобы он никоим образом не переходил в наступление.

В этом смешном толковании, о причине которого он никому раньше не говорил, разубедил его генерал-майор Фабрицын (Фабрициан? [23]), прибывший 25 сентября; он был переведен к нам из Польши, и под его команду губернатор отдал все войска, стоявшие в лагере.

Тотчас по его приезде мы получили известие, что кабардинцы совершенно рассеяли партию наших фуражиров у Екатерининской крепости, в 50-ти верстах от нас, что они убили одного поручика и 50 солдат и еще отняли у нас пушку.

Генерал Фабрицын предложил немедленно напасть на неприятеля. Но мудрый командир сослался на письмо князя Потемкина; тогда Фабрицын попросил показать ему это письмо и прочитать, успел разъяснить губернатору его ошибку; а потому в тот же день, т. е. 28 сентября, весь отряд получил приказ быть готовым к походу.

28 сентября храбрый Фабрицын пошел с 800 егерями, 2-мя ротами Моздокского батальона и 2-мя казачьими полками прямо к неприятельскому лагерю на Малке, в 20-ти верстах от нас; он хотел

ночью обойти лагерь и напасть с тыла. Ночью, несколько часов после него, выступил губернатор со всем отрядом и направился к Малке, следуя тремя колоннами, на флангах и посреди которых находилась кавалерия. На заре, пройдя уже полпути, мы услышали и увидели вдали (нас окружала степь) канонаду, открытую егерями, наступавшими под командой Фабрицына. Наша кавалерия поскакала вперед, и мы тоже {26} спешили к Малке. Приблизившись, мы застали горячую перестрелку, из пушек и мушкетов, между нашими егерями и неприятелем; перестрелка эта продолжалась до 10 часов. Часть нашей кавалерии переправилась на тот берег и напала на отступавшего уже неприятеля, которого было здесь до 6000; она вместе с егерями привела горцев в совершенное расстройство. Отряд наш построился в каре на этом берегу Малки и не принимал никакого участия в деле; однако, устрашая неприятеля своею численностью, он, вероятно, ускорил его бегство. Мы сделали несколько выстрелов из пушек и стреляли несколько раз бомбами из гаубиц по неприятельской кавалерии, находившейся на противоположном берегу. Нам достался весь неприятельский лагерь, состоявший из 200 кибиток и пушки, которые были оставлены у Екатерининской крепости. Убито было около 500 кабардинцев, у нас около 20 человек и ранено вчетверо больше. Неприятель отступил к Баксану, за 30 верст отсюда, а мы, после полудня, вернулись в лагерь к Павлову, хотя наш отличный и храбрый генерал Фабрицын настаивал на том, чтобы завершить дело и преследовать неприятеля.

Наш командующий сделал капитальную ошибку, не воспользовавшись победой: если бы мы подвинулись немного вперед, кабардинцы наверно отдались бы под покровительство Российской империи; это предположение подтвердили впоследствии несколько пленных. Я не говорю уже о том, что, если бы мы расположились на берегу Малки, наши лошади поправились бы от отличной травы, которая тут растет, между тем как в Павлове, на 12 или 15 верст кругом, не было трав. Лошади сильно отощали, особенно от нерадения нашего командира, который не запасся овсом; в ноябре у меня пало до 50 вьючных лошадей, а оставшиеся едва двигались. Полковник Шульц потерял до декабря около 500 лошадей. Если бы губернатор был заботливее и раньше велел привезти овса из Царицына, лошади не отощали бы так сильно; правда, они страдали и от того, что трава, которую добывали за 15 верст, была хуже, чем летняя солома.

В последних числах октября и начале ноября прибыли наконец большие транспорты с провиантом и овсом. Сена было уже так мало, что за 20 пудов платили 4 рубля. Я выписал его из Марьенской [24] крепости, заплатив по 25 коп. за пуд; а за четверть овса, и то с трудом добываемого, платили 2 рубля и 50 коп. {27}

В октябре было много бурь и дождя, а в ноябре стояла приятная ясная погода. 26-го выпал первый снег.

После дела на Малке кабардинские князья начали вступать с нами в переговоры и с позволения нашего командира прислали к нам в лагерь знатнейшего своего князя Шамиофа (?) с несколькими другими. Но требования их с каждым днем все возрастали и в конце ноября они даже написали губернатору дерзкое письмо. Тут только он сознал свою ошибку, раскаявшись в том, что отвергнул совет Фабрицына; не извлек никакой выгоды из нашей последней победы и не принудил самого неприятеля заключить мир. Переговорами кабардинцы хотели выиграть время и напасть уже на наши зимние квартиры.

Поэтому, чтобы обезопасить нашу коммуникацию и особенно зимние квартиры, необходимо было вновь перейти в наступательное движение и разбить неприятеля. Весь отряд получил приказание быть готовым выступить на зимние квартиры и спечь для этого сухарей на 10 дней. Это распоряжение было очень целесообразно, вполне маскируя наши намерения.

Вместо того чтобы выступить на указанные квартиры, все полковники получили, 27 ноября, приказ явиться в 9 часов утра к генерал-майору Фабрицыну. Он прочитал нам инструкцию, состоявшую из нескольких пунктов; суть ее заключалась в том, чтобы мы выступили в 4 часа пополудни и шли различными колоннами на Баксан, приблизительно в 60 верстах от нас. Мы взяли с собою провианту на 6 дней, и оставив все прочие провиантные фуры и всех больных, которых в моем полку было уже около 300. Ни одному офицеру не было разрешено иметь с собой экипажи, я один получил позволение взять одну фуру.

Отряд составлял следующие части: Владимирский драгунский полк, в 700 человек, под командою полковника Шульца, 4 роты Кабардинского пехотного полка, около 300 человек под командою полковника Ладыженского, два егерских батальона, а именно: кабардинский, командир подполковник Кек, и горский, под начальством полковника Великопольского, в обоих около 900 человек; затем мой полк, около 800 человек, 3 эскадрона казачьего легиона, под командою подполковника Савельева; 7 казачьих полков, 3 или 4 тысячи калмыков, 2 пехотные роты горского батальона, около 200 человек под командою майора Якоби. Следовательно, всего, без легкой кавалерии, было около 3000 человек. {28}

27 ноября [25], в 5 часов пополудни, отряд выступил в трех колоннах, с кавалерией в промежутках. К несчастью, за два дня перед тем выпало много снега и в первую же ночь был сильный мороз (Губернатор закутался и ехал в экипаже за отрядом. – Авт.). Мы перешли чрез Малку (стремительную и быструю реку шириною в 30 или 40 сажень) вброд, не сделав употребления взятого с собою моста (Раньше, чем мы дошли до Малки, у меня открылось кровотечение из носу, продолжавшееся IV часа; сидя на своей фуре, я едва мог остановить кровь, а вокруг меня бродили кабардинцы и я подвергался опасности истечь кровью. Я прикладывал снег к голове и остановил кровь, но упал в обморок и пролежал без чувств несколько часов). В час ночи весь отряд был на другом берегу и, несмотря на

темноту, продолжал идти скорым шагом по степи. Поутру был сильный мороз. По дороге на Баксан нам пришлось переправиться чрез 3 маленькие речки, шириною в 10 или 20 саженей; при переправе наш командир не перевозил пехоту, но загонял ее как скот в воду. Мороз дал себя знать, 1500 человек отморозили себе ноги, между прочим много офицеров, но почти исключительно из пехоты, а не кавалеристы. Этой участи подверглись полковник Ладыжинский, подполковник Кек, 9 офицеров и более 900 человек солдат и унтер-офицеров моего полка. Вечером мы пришли к Баксану. Я никогда в жизни не видел такой быстрой реки. Мы еще не сталкивались с неприятелем, который бежал, завидев нас издали. Три солдата моего полка, которые, к несчастью, отстали, были изрублены партией неприятелей.

Мы расположились лагерем в виде трех каре, с кавалерией в середине, и провели ночь недалеко от Баксана. Снегу было более чем на четверть аршина. На следующий день выступил весь отряд; замерзших везли на казачьих лошадях. Мы переправились чрез Баксан и расположились в нескольких кабардинских деревнях; хотя деревни эти были покинуты жителями, мы нашли там очень много сена и до 20000 овец, которые раздавались ежедневно полкам умеренными порциями. 30-го мы выступили в прежнем порядке и, сделав 20 верст, дошли до горы, у подошвы которой мы остановились в одной большой деревне. Сюда отступили кабардинские князья (в том числе Шамгар и Мисоуст), с скопищем в одну тысячу горцев. Желая сдаться нашему губернатору, они послали к нему депутатов. {29}

Когда мы пришли, они стали просить нас еще настоятельнее, обещая подписать все что угодно и принести присягу. Переговоры окончились заключением мира: все князья принесли присягу в присутствии войск и подписали, хотя и неохотно, очень невыгодный для них договор (Замечательно, что кабардинцы принесли присягу 2 декабря, в день моего рождения. В этот день был сильный туман, снегу было на 3 вершка. – Авт.). По этому договору границею между Россией и Кабардой должны были служить Малка и Терек [26]. Подполковник Савельев был послан с несколькими ротами егерей и казаков в Малую Кабарду, чтобы и ее подвести под русское подданство.

3 декабря, приводя все в порядок, мы выступили в обратный путь, а 5-го, к нашему величайшему удовольствию, дошли до прежнего лагеря у Павловской крепости. Отряд находился в жалком положении, потому что было много народу с отмороженными ногами и другими частями тела. Вообще я никогда в жизни не претерпевал в несколько дней всего того, что перенес в эту экспедицию.

Чрез несколько дней после нашего возвращения губернатор Якоби (по-русски его зовут Иван Варфоломеич) (Эти слова у автора, написаны по-русски. – Переводчик Н. Ш.) уехал обратно в Астрахань, чему мы очень обрадовались. Я думаю, никогда не было генерала, которого подчиненные любили менее, чем Якоби. Это и неудивительно: его спесивая мужицкая гордость и отвратительный эгоизм, старательно, впрочем, им скрывавшийся, не позволяли ему быть в дружеских отношениях с подчиненными; он оказывал им услуги с полным неудовольствием, его надо было заставлять сделать какую-нибудь любезность, если он не видел от нее никакой пользы для себя. Якоби был немцем наполовину (его дед был, кажется, ирландец), но ненавидел немцев и считал стыдом говорить на их языке (которым к тому же дурно владел); добиваясь популярности у русских, однако не был популярен ни у тех, ни у других. Претензии его доходили до того, что он старался уверить многих офицеров, будто он потомок английского короля Иакова.

Подчиненные не терпели его за недоверчивость, нерешительность, совершенное незнание тактики и трусость и, в особенности, за то, что, несмотря на свой ум и рассудительность, {30} он совсем не заботился о солдатах. Эта постыдная беззаботность высказалась особенно по отношению к солдатам, отморозившим обе ноги; когда мы, полковники, попросили у него фур и лошадей, чтобы отвезти этих солдат на предназначенные для них квартиры, он, с язвительным смехом, отказал нам и сказал, что если мы сами не можем перенести их, то пусть их оставят в лагере у Павловской крепости, а у него нет свободных лошадей. Но мы отлично знали, что генерал Якоби в последнюю экспедицию взял в добычу 1000 лошадей. Одним словом, это испорченный пошлый человек.

12 декабря генерал-майор Фабрицын, которого губернатор назначил шефом всей линии, разослал письменное расписание, где поместиться на зиму каждому полку и батальону. По этому расписанию я должен был стоять зимой в Моздоке, куда и поспешил отправить 300 человек обмороженных. Снегу совсем не было, погода стояла холодная, но приятная; Фабрицын расположился в Марьевской крепости. Все офицеры и солдаты были очень рады находиться под командою этого честного и достойного генерала, который особенно отличился в прусскую и турецкую кампании.

8 декабря умер капитан моего полка Назарев от того, что у него были отморожены ноги; это был отличный, честный человек, которого я очень уважал за кроткий характер и другие хорошие качества.

13 декабря разошлись все полки. Я тоже выступил из лагеря под Павловском со своими здоровыми солдатами, которых у меня оставалось только 300, и 15-го благополучно прибыл в Моздок. В лагере мы простояли 4 месяца подряд, не считая похода к берегам Баксана. На весь полк мне дали всего 160 квартир и, сверх того, отведено 80 квартир в станице близ Моздока.

Комендантом в Моздоке был полковник Александр Федорович Иванов [27], человек лет 60 с лишком; старый, скупой холостяк, он жил уединенно и каким-то философом; у нас с ним установились дружеские отношения, не нарушавшиеся во все мое пребывание в этом городе. {31}

1780 г.

Пока мы находились на Моздокской линии, я лишился около 70 лошадей, павших большею частью от сапа. За все время зимней стоянки у нас не было никаких дел с кабардинцами и не случилось ничего важного. Зима продолжалась всего несколько недель, но была очень сурова; Терек замерз на большую глубину и местные жители говорили, что уже давно не припомнят такой холодной зимы (В январе губернатор Якоби подарил каждому полку и батальону лошадей, которых он взял в добычу. Я получил 109 лошадей и жеребят, по большей части кобыл. 38 хороших кобыл я подарил офицерам и оставил себе всех жеребят. – Авт.).

Почт-директор Пестель [28] пересылал мне письма, гамбургские, ревельские газеты и ревельский листок для объявлений; письма и газеты посылались через Москву и Астрахань, шли довольно долго (например, из Лифляндии до Моздока 5 и 6 недель), но никогда не пропадали.

В конце февраля уже нигде не было видно снега и наступили теплые дни.

11 февраля приехали ко мне генерал Фабрицын и полковник Ладыженский и мы вместе поехали в Кизляр (Кизлярским комендантом был бригадир Алексей Матвеевич Кураедов. – Авт.) [29], в 200 верстах от Моздока. 17-го мы вернулись. Кизляр довольно хорошая крепость, но так как она лежит в низкой местности на Тереке, то летом там бывает невыносимая жара и климат вообще нездоров.

Около Кизляра трава начинает расти и все зеленело.

У мелких кабардинских князей возникли раздоры с их народом, и поэтому подполковник Фромгольдт [30], которому уже несколько лет было поручено наблюдать за Малой Кабардой (а также за моздокским населением, значительнейшую часть которого составляли окрещенные кабардинцы и армяне), был послан в горы, а именно в Тиртадус (?). Но восстание разгоралось и для подкрепления Фромгольдта были отряжены две мои гренадерские роты (под командой моего премьер-майора Дюккера), 2 орудия и 4 роты егерей; эти роты соединились за день перед тем у Екатерининской крепости. {32}

Когда пришли эти войска, все инсургенты, которых было до 3000, сложили оружие и прошли под ярмом. Два знатнейших князя были арестованы. Причиной этого восстания было то, что князья не хотели признать, по статье последнего договора, свободу народа, но обращались с ними как и раньше, т. е. как с крепостными и рабами. Несколько сот человек пришли в Моздок и просили защиты у подполковника Фромгольдта.

20 марта я велел пасти лошадей. В конце марта цвели абрикосы и в степи можно было найти много тюльпанов, левкоев и других цветов.

30 марта я ездил в Марьевскую крепость, к генералу Фабрицыну, чтобы принять лошадей, которых он сторговал для моего полка, по 15 рублей за каждую. Полковник Шульц с своею женою были также там, и в обществе этих друзей я очень весело провел целую неделю.

6 апреля я вернулся в Моздок.

16 апреля опять поехал к нашему генералу, а 17-го отправился с ним и еще другими офицерами в Ставрополь, чтобы провести праздники у полковника Шульца. Он встретил нас в Александровской крепости.

18 апреля все наше общество прибыло в Ставрополь. Здесь мы танцевали несколько дней сряду.

23 апреля мы уехали из Ставрополя. Щульц и его жена провожали нас до Георгиевской крепости. 27-го я наконец вернулся в Моздок.

30 апреля умер в Моздоке подполковник Фромгольдт, служивший в Кизлярском гарнизоне. Этого офицера (он был рижский уроженец) очень уважали за его честность и весьма ценили за хорошее знание здешней гористой местности. Я потерял в нем друга и единственного человека, которого

посещал в Моздоке. Перед смертью он обвенчался по католическому обряду с дамой, с которой жил 15 лет.

10 мая по приказу, полученному от генерал-майора Фабрицына, я выступил со своим полком из Моздока и пошел к нему в Марьевскую крепость, куда прибыл 20 мая.

В Моздоке я оставил 215 больных (в том числе 200 обморозившихся, не успевших еще оправиться) и 507 для уборки сена, так как знал, что пробуду в этих странах еще и следующую зиму. В лагере у Марьева под моею командою находились еще {33} батальон горских егерей, две гренадерские роты Ладожского полка и две гренадерские роты Кабардинского. Мы стояли в очень здоровой и красивой местности; маленькая речка протекала у нашего правого фланга, а Марьина крепость построена на очень высокой горе, в полуверсте от нашего левого фланга.

По мирному договору кабардинцы должны были заплатить нам контрибуцию в 10000 рублей; эту сумму они внесли сполна в средине июня; по при этом потребовали вознаграждения за уведенный у них скот.

10 июня поехали мы, вместе с генерал-майором Фабрицыным, полковником Шульцем и его женою (приехавшею к нам на Троицын день) и несколькими офицерами, к подполковнику Кеку, в Екатерининскую крепость. 12 июня мы вернулись.

В июне и июле стояла неимоверная жара; особенно много вреда принесла саранча, появившаяся миллионами.

Кабардинские князья, со свитою из 100 человек, приехали к Марьинской крепости и в 5 верстах от нее, на высокой горе, разбили палатку; тут происходило у них важное совещание с генералом Фабрицыным, отправившимся к ним с несколькими офицерами и 40 егерями; они трактовали о тех статьях последнего мирного договора, которые еще не были приведены в исполнение. Совещание это продолжалось несколько часов; к вечеру все разъехались, и князья вернулись в свои горы. Между тем я был готов каждую минуту броситься на кабардинцев, если бы они вздумали наложить руку на нашего генерала.

10 августа я поехал в Балтовы горы, чтобы пользоваться теплым купаньем; со мной поехали Фабрицын, Шульц с женою, Ладыженский; командир Кабардинского полка, и еще несколько офицеров. Гор этого названия пять, из них средняя так высока, что вершина ее выше облаков; они находятся в 40 верстах от Марьиной крепости. С вершины самой низкой горы, сажен 50 или 70 над горизонтом, течет горячая и прозрачная, как кристалл, вода, образуя на своем пути прелестнейшую каскаду. Почва, по которой она протекает, сделалась от времени миловидной; поэтому вода, особенно при солнечном свете, отражает множество цветов на протяжении всей горы и на 10 или 15 сажен в ширину.

Мы провели две недели в этой прекрасной местности; от купанья в этих кислых и теплых водах очень скоро вылечивались больные скорбутом. В 60 верстах оттуда, недалеко от {34} Кавказских гор, бьет

настоящий зельтерский источник; я пробовал эту воду и нашел, что она ничем не отличается от зельтерской.

25 августа генерал-майор Фабрицын произвел смотр моему полку; в параде участвовало только 500 человек; дело свое они выполнили весьма удовлетворительно.

5 сентября я повел полк на квартиры в Моздок, где застал еще больными большую часть солдат, отморозивших себе ноги в прошлом году.

Первый батальон остался со мной, а второму (им командовал капитан Илья Васильевич Суворов) назначено было стоять в Червленой станице, в 100 верстах от Моздока.

В это время я начал делать приготовления к поездке в Лифляндию, мне надо было получить наследство тестя, умершего в Ревеле; кроме того, я хотел лично осмотреть имение царицынского коменданта, которое находится в Полоцкой губернии.

Пока я стоял в лагере под Марьевым, мои солдаты убрали в Моздоке полное количество сена, какое мне нужно было на зиму на всех полковых лошадей.

12 сентября я выехал из Моздока на почтовых; мне понадобилось 6 лошадей. Своих денег у меня было 6534 рубля, и, кроме того, я занял у полковника Ладыженского 1000 рублей.

Раньше чем от князя Потемкина пришла резолюция на мое прошение об отпуске в Петербург, генерал-майор Фабрицын отпустил меня на трижды 29 дней.

20 сентября я приехал в Ростов, лежащий в 630 верстах от Моздока. Здесь я получил 1000 рублей фуражных денег, которые с прошлого года должен был моему полку провиантмейстер Бунин.

22 сентября доехал до Бахмута, находящегося в 280 верстах от Ростова.

23 сентября был в Изюме. От Ростова до сих пор я платил прогоны, установленные для Азовской губернии, по 2 коп. с версты, а во всех других местах по 1 коп.

От Бахмута до Изюма 92 версты; оттуда я проехал чрез Савницу, Андреевский, Змеев, Мереховицу до Перскова, всего 156 верст; затем в Красный Кут и Ахтырку, 68 верст; оттуда в Буравку, Сумы, Регек,

Ворожбу, Пески, в город Путилов, 22 версты; затем в Везенок, Холопкон, Глухов, 41 верста, куда я прибыл 28 сентября. {35}

Из Глухова я проехал в городок Клим 126 верст, оттуда чрез Ситков, Березовку, Верки, Шолцу, где переправа чрез речку Овошу. Затем в Шепатович, Шегерек, Стрелку, в Костину, 174 вер., куда я прибыл 2 октября. Эти две последние деревни принадлежат генералу Фабрицыну и лежат на Днепре. В этих местностях огромный лес, откуда сплавляют в Ригу много мачт.

4 октября я поехал дальше и, сделав 86 верст, приехал в Могилев. 7-го был в Полоцке, 224 версты. В Могилевской и Полоцкой губернии платил за лошадь по 12 коп. с 10 верст.

В Полоцке, где был губернатором Иван Михайлович Ребиндер [31], я прожил две недели; у меня было с собою 10000 руб. и я хотел купить себе имение. Наконец, мне удалось купить у статского советника Александра Семеновича Васильчикова [32] его деревню Яннаполь. В ней числилось 916 душ, и она обошлась мне в 25750 рублей. Эти деньги уплатил в три срока. 19 октября контракт был подписан. Доверенным Васильчикова был капитан Василий Никифорович Пальский.

23 октября я был введен во владение Яннаполем (Яннаполь лежит в 200 верстах от Полоцка.). Юргенсон был моим первым управляющим (инспектором).

25 октября выехал я из Яннаполя чрез Парклан в Цирстен, куда благополучно прибыл 27-го. Здесь застал я мою мать и сестру матери Бенту, всех в полном здравии.

Яннаполь лежит в 22 милях от Цирстена.

Всего от Моздока до Цирстена я проехал 2436 верст и, кроме того, сделал еще 590 верст, разъезжая по Полоцкой губернии, осматривая имения.

11 ноября я поехал на санях в Ригу, к зятю Таубе.

Пока я был в Риге, здесь сделалось известным движение по службе; 24 ноября, в день тезоименитства императрицы, много полковников было произведено в генералы и бригадиры. Поэтому открылись вакансии в пяти полках, стоявших в окрестностях Петербурга, между прочим в Сибирском. У меня явилась мысль ехать тотчас в Петербург, променять свой Томский полк на один из здесь стоящих. С этой целью я уехал из Риги и приехал 30 ноября в Цирстен.

Желая повидаться с дочерью, я поехал в Ревель, и, прибыв туда 12 декабря, остановился у обер-коменданта Эссена [33]. Мою маленькую Луизхен я нашел совсем здоровой. {36}

14 декабря вечером выехал из Ревеля на почтовых и 16 декабря благополучно прибыл в Петербург (Между Нарвой и Петербургом мы встретились с братом и зятем Кноррингом, которые ехали в Лифляндию; но было темно и мы проехали, не узнав друг друга. – Авт.) и остановился в «Лондоне».

На другой же день я был представлен князю Потемкину; за меня ходатайствовал астраханский губернатор Якоби, который также был в это время в Петербурге, и 20 декабря, согласно моему желанию, я был переведен из Томского полка в Сибирский. Давно мне перемена по службе не доставляла такого удовольствия.

Комментарии

1. Густав Эрнест фон Штрандман (Густав Густавович) родился в 1742 г. в Лифляндской губернии в дворянской семье. С 1757 по 1762 г. учился в Сухопутном шляхетном корпусе, откуда выпущен капитаном в Вологодский пехотный полк, в рядах которого находился в Польше в 1763-1765 гг. В 1769 г. направлен с полком в Азов, а 2 октября того же года произведен в секунд-майоры и переведен в Елецкий полк, 25 мая 1770 произведен в премьер-майоры с переводом в Воронежский пехотный полк, действовавший в составе 2-й армии. За участие в штурме Бендер и в переговорах о сдаче крепости получил орден Св. Георгия 3 степени. С 1771 г. переведен в Брянский полк, произведен в подполковники и переведен затем в 17-ю полевую команду. В 1774 г. служил в Шлиссельбургском, а с 1775 в Вятском полку. В 1778 г. произведен в полковники с назначением командиром Томского полка, с которым и отправился на Моздокскую линию. В декабре 1780 перевелся по собственному желанию в Сибирский пехотный полк. В 1786 г. произведен в генерал-майоры, а в 1787 назначен командиром

Сибирской дивизии на пограничной Китайской линии. С 1789 г, более 13 лет управлял Сибирским краем и командовал войсками. Занимался разведкой и разработкой полезных ископаемых, прокладкой дорог (см., например, его записку об управлении Сибирским краем в «Русской Старине» за 1879, № 1, с. 151-156). В 1798 г. произведен в генералы от инфантерии, но в том же году отдан под суд. К марту 1800 г. он был уже в отставке. Умер 30 ноября 1803 г. (РБС. Т. Шебанов – Шютц. СПб., 1911, с. 437-439).

Мемуары Штрандмана впервые были опубликованы в «Русской Старине» (1882, № 5, с. 289-318; 1884, № 7, с. 55-86; № 8, с. 271-288). Перевод с немецкого и подготовка к печати были выполнены потомком мемуариста Н.К. фон Штрандманом. К сожалению, публикация записок не была завершена. Опубликованная часть охватывает период с 1769 по 1780 г., хотя рукопись была доведена до октября 1800 г. («Русская Старина», 1882, № 5, с. 289). Текст воспроизводится по первой публикации и лишь в той части, которая касается событий на Кавказе. При настоящей публикации сохранены редакционные и авторские примечания первого издания. Предисловие Н.К. фон Штрандмана опущено.

2. Штрандман был в 1779 г. командиром Томского пехотного полка.

3. Беклешев Алексей Андреевич – с 1778 г. подполковник, в 1779 г. переведен в Козловский полк (по «Списку воинскому департаменту» на 1779 – он числится в Орловском пехотном полку, а на 1780 в Шлиссельбургском пехотном), в 1782-1785 служил в Астраханском драгунском полку; с 1786 г. полковник Таганрогского драгунского полка, с 1793 г. генерал-майор, в 1794 г. находился в войсках на Кавказской линии.

4. Диккер, фон, Карл – премьер-майор (с 1778) Томского пехотного полка, с 1780 подполковник, в 1782 г. служил в Тенгинском пехотном полку.

5. Тилль – имеется в виду Пиль Иван Алферьевич – с 1774 г. генерал-майор, в 1779 г. находился при Астраханском корпусе, который был создан в 1777 г. в связи с турецкой угрозой и подчинен Астраханскому губернатору И.В. Якоби (в 1782 г. корпус получил название Новолинейного, а затем Кавказского). С 1782 г. И. А. Пиль был генерал-поручиком; в 1784 г. правитель Псковского наместничества, с 1789 по крайней мере до 1792 исполнял должность генерал-губернатора иркутского и колыванского.

6. Моздокская линия – часть будущей Кавказской линии. До 1776 г. укрепления на Кавказе простирались лишь от Моздока до Кизляра. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. граница России стала проходить по Кубани, и в 1776 г. было принято решение о строительстве новой укрепленной линии от Моздока до Азова. Строительство линии было поручено астраханскому губернатору И.В. Якоби (которому подчинялись теперь и войска Астраханского корпуса) и военному инженеру И.И. Герману. Началось сооружение крепостей: Екатериноградской, Павловской, Марьинской, Георгиевской и Александровской. Позднее, в 1792 г. линия прошла еще южнее – по Кубани, до крепости Усть-Лабинская.

7. Скорбут – цинга.

8. Сенденгорст Франц (ум. 1779) – в службе с 1756, в 1779 подполковник (с 1775) Томского пехотного полка.

9. Шульц, фон Ашераден, Вильгельм Васильевич (1740-1792) – барон, генерал-поручик (с 1790), в 1779 г. полковник, командир Владимирского драгунского полка; участник русско-шведской войны 1788-1790 гг.; с 1791 Выборгский комендант.

10. Якоби Иван Варфоломеевич (1726-1803) – генерал-майор (с 1774), генерал-поручик (с 1779), генерал от инфантерии (с 1797); в 1776-1780 Астраханский гражданский губернатор и командир Астраханского корпуса (с 1777), с конца 1780 г. и.д. уфимского и симбирского генерал-губернатора и командир Оренбургского полевого корпуса, в 1783-1789 генерал-губернатор иркутский и колыванский; с 1797 г. в отставке.

11. Георгиевская крепость – основана в 1777 г. В 1786 г. при образовании Кавказской области стала уездным городом, в 1802 – губернским, в 1822 г. при переименовании Кавказской губернии в область административный центр был перенесен в Ставрополь, Георгиевск стал уездным городом, а в 1830 заштатным.

12. Ладыженский Николай Алексеевич (р. ок. 1736/ок.1738) – полковник (с 1775), в 1775-1780 командир Кабардинского полка, с 1780 бригадир и комендант в Оренбурге, с 1782 г. генерал-майор, служил в Иркутской губернии в Троицкой крепости.

13. Кек Иван (р. ок. 1742 г.) – в 1779 подполковник (с 1775) Кабардинского егерского батальона, с 1782 г. полковник.

14. Якоби Петр – премьер-майор (с 1777), в 1779 командир Моздокского полевого батальона, с 1780 подполковник Моздокского егерского батальона, в 1788 командир Оренбургского полевого мушкетерского батальона.

15. Савельев Иван Дмитриевич – в 1779 г. полковник Волгского, затем Астраханского казачьего войска (в Моздокском казачьем полку) и подполковник от армии (с 1779), с 1787 г. бригадир от армии, с 1790 генерал-майор от армии, в 1796 г. командовал войсками при штурме Дербента.

16. На протяжении XVIII в. Кабарда была объектом борьбы между Россией и Турцией. В самой Кабарде существовали прорусская и крымско-турецкая партия. По Белградскому миру 1739 г. Кабарда объявлялась независимой от России и Турции и должна была служить барьером между двумя империями. По договору с Крымским ханством 1772 г. кабардинцы были признаны подданными российского государства. Кючук-Кайнарджийский мирный договор, завершивший в 1774 г. русско-турецкую войну, не определил точно статус Кабарды, зафиксировав лишь, что он должен быть

определен по соглашению России с Крымом. Окончательно Турция признала принадлежность Кабарды России только по Ясскому миру 1791 г. Поэтому во второй половине 1770-х гг. за влияние в Кабарде разгорелась ожесточенная борьба. Этой борьбой объяснялась во многом и ситуация вокруг русских крепостей. В 1777 г. кабардинцы в очередной раз присягнули на верность России, но с началом строительства укрепленной линии от Моздока до Азова стали требовать ее уничтожения, ссылаясь на то, что она мешает выпасу скота. Ситуация обострялась и социальными противоречиями в Кабарде: зависимое население уходило от владельцев в русские крепости. В этих условиях и происходили описываемые Штрандманом события.

17. Бас Яков – в 1779 г. капитан, в 1780-1784 гг. секунд-майор Кабардинского полка.

18. В предприятии 9-10 июня участвовало со стороны горцев до 15 тыс. человек.

19. Великопольский Николай Львович (ок. 1743-1828) – в 1776 г. премьер-майор (с 1773) Сибирского корпуса егерского полевого батальона; в 1779 подполковник (с 1778), командир Горского егерского батальона.

20. Автор по-разному пишет фамилию Ладыженский, при публикации оставлено авторское написание.

21. Имеется в виду подполковник Кек, см. прим. 13

22. Потемкин Григорий Александрович (1739-1791) – граф (с 1775), светлейший князь (с 1776), светлейший князь Таврический (с 1783), генерал-фельдмаршал (с 1784), с 1776 г. губернатор Новороссийской, Астраханской и Азовской губерний, с 1783 г. президент Военной коллегии, в 1787-1789 главнокомандующий Екатеринославской армией, в 1789-1791 командовал объединенной русской армией (Екатеринославская и Украинская армии объединены по указу Екатерины II от 8 марта 1789 г.). В 1771 г. в чине генерал-майора, а затем генерал-поручика командовал особым отрядом, на который возлагалось наблюдение за участком Дуная около Браилова и поддержка отрядов в Бессарабии и Верхней Валахии (Николаев Н. Г. История 17-го пехотного Архангелогородского полка 1700-1900. СПб., 1900, с. 186).

23. Фабрициан Федор Иванович (1735-1782) – участник Семилетней и 1-й русско-турецкой войны, с 1778 г. бригадир, с 1779 г. генерал-майор. Грабовский и Бутков приводят иную дату – не 28, а 29 сентября (Грабовский Н. Присоединение к России Кабарды и ее борьба за независимость //Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 9. Тифлис. 1876. С. 158; Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 2, с. 57).

24. Сохранено авторское написание названия крепости Марьинской.

25. Бутков приводит иную дату выступления в поход – 28 ноября (Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 2, с. 57).

26. Согласно Буткову присяга кабардинцами была принесена 9 декабря (там же, с. 58). Кабардинцы признавали себя подданными российского престола, исполняли все повеления кавказского начальства, а в случае нарушения кем-либо присяги обязывались сообщать об этом начальству. Кроме того, кабардинский «черный народ» обязывался в случае ухода их владельцев с подконтрольной России территории не следовать за ними. Помимо этого кабардинцы обязывались выплатить компенсацию за нанесенный русским в ходе военных действий ущерб, не занимать левых берегов Малки и Терека. Въезд на линию разрешался им только с санкции российских властей, вход в крепости запрещался совсем. Кабардинцы должны были искать правосудия у старшего владельца Джанхота Татарханова и у российского пристава, избегая кровной мести. С Малой Кабардой было заключено отдельное соглашение, в котором она обязывалась не оказывать помощи Большой Кабарде, и владельцы Малой Кабарды обязывались не увеличивать податей (Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 58-60).

27. Иванов Александр Федорович – комендант в Моздоке по крайней мере с 1771 г., в 1779 г. полковник.

28. Пестель Борис Владимирович (ум. 1811) – с 1751 г. на русской службе, служил по почтовой части, в 1765 г. в чине коллежского асессора занял должность почт-директора в Москве, которую занимал до 1789, вышел в отставку в чине действительного статского советника; дед декабриста П.И. Пестеля.

29. Куроедов Алексей Матвеевич – бригадир (с 1777), в 1780-х гг. комендант в Кизляре.

30. Фромгольд Вильгельм – в 1779 подполковник (с 1777) 1-го Кизлярского полка.

31. Ребиндер Иван Михайлович (1733-1792) – в 1764-1775 резидент русского правительства в Данциге, с 1775 генерал-майор, полоцкий губернатор, с 1783 генерал-губернатор нижегородский и пензенский.

32. Васильчиков Александр Семенович – в 1780 г. статский советник, возможно А.С. Васильчиков (1748-1813), бывший фаворит Екатерины.

33. Эссен, фон, Рейнгольд-Вильгельм Иванович (1722-1788) – участник Семилетней войны, генерал-поручик (с 1771), с 1776 ревельский обер-комендант.

Текст воспроизведен по изданию: Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. СПб. Звезда. 2002